

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ

г. Ереван

КОСОЙ ДОЖДЬ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В ЕРЕВАНЕ родилась миллионная житей...

Причем здесь театр? — скажет иной читатель.

А между тем демографический взрыв, динамический рост производства, изменения в социальной структуре, усложнение науки управления и информация, идущая таким мощным нескончаемым, постоянно растущим потоком, в котором трудно и задолбиться, общаются с нами с такой неожиданной яркостью, что нам не всегда удается сориентироваться во всем этом многообразии.

А каково приходится деятелям театра?

И вот театр, театр, который одновременно и величественное и уменьшительное стекло, и зеркало, и трибуна, и еще бог знает что, во прежде всего искусство, отражающее жизнь, учителя жизни, оказывающее заступничество врасплох... своей жизнью. Не правда ли, ситуация, не лишенная драматизма?

Именно в такой ситуации оказался Армянский драматический академический театр имени Г. Сундукяна. Заметим, ведущий театр республики.

Вот почему размышления наши о проблеме весьма субъективной. Привязания театра.

Часто можно услышать ставшую крылатой фразу К. С. Станиславского о том, что театр начинается с вешалки. Но цитирую ее перед тем как высказывал, что это всего лишь метафора. В противном случае на эмблеме МХАТа была бы изображена вместо хвостика чайки — вешалка.

Нет, театр начинается прежде всего с драматургии. Без Чехова и Горького не было бы МХАТа, как без Мольера «Комеди Франсез», без Марло и Шекспира «Глоубос» и без Брехта «Берлинер ансамбля». И современный армянский театр начался с Сундукяна (и вовсе не случайно, что имя драматурга носит театр). Ширванзаде, Паронян, обогащаясь мировой и русской классикой, творчеством современных армянских драматургов.

А теперь обратимся к репертуару театра, к тем двум десяткам пьес, которые идут на его сцене.

Что прежде всего бросается в глаза? Его удивительный репертуарный разнобой, который иначе, чем неэвклидовость, не назовешь.

«Сверхинтеллект у а л я н а» «Мадам Сал-Жен» здесь великолепно сочетается с по-настоящему лиричной и человечной «В горах мое сердце», слезливо-сентиментальной, рассчитанной на обывательский вкус «Помни о завтрашнем дне» соседствует с мужественной «А зори здесь тихие», сдвоенная «Северная палесина» идет следом за талантливыми «Старшим сыном». И «Реквием по мечике» — единственное драматургическое опыте отличного прозаика Фахриджана, неизвестно за какой надобностью очутившемуся на этой сцене, и вездесильный вариант «Храброго Назара»... словом, обо всем не скажешь.

Нам возразят — ведь репертуар складывался годами? Согласны. Но в репертуаре должна быть какая-то тенденция, направление. Он прежде все-

го должен быть осмысленным. Что можно возразить против этого?

На сцене театра Сундукяна десятилетиями не шли Чехов, Горький, Гоголь. Зрителю армянского театра так и не удалось увидеть на своей сцене таких по-настоящему больших интеллектуалов, как Бернард Шоу и Бертольд Брехт. А между тем знаменитый английский режиссер, замечательный мастер сцены Питер Брук писал: «Никто из серьезно интересующихся театром не может пройти мимо Брехта. Брехт — ключевая фигура нашего времени, и вся работа в театре в какой-то момент обращается к его умозаключениям и достижениям».

Благодаря театру «Дружба» армянский зритель познакомился с рядом добротных московских постановок. Однако «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Протокол одного заседания» и «Обратная связь» А. Гельмана, «День приезда, день отъезда» В. Черных знакомы армянскому зрителю только по гастролям и телеэкрану.

Эти пьесы, в той или иной мере отразившие черты НТР, вызвали несомненный интерес у зрителя. Разве хотя бы одна из них не имела право быть разыграной на сцене театра Сундукяна? А ведь ни рабочий классом, ни научной и технической интеллигенцией и проблемами, связанными с НТР, республику бог не обидел. А вот театр их обидел. Прошел стороной... Впрочем, как прошел стороной мимо тем, по-настоящему больших, глубоких, гражданских, волнующих, и прошел, как «косой дождь».

И еще. Количество местных драматургов, пишущих для театра Сундукяна, легко можно пересчитать на пальцах одной руки. Работа их с театром носит характер весьма эпизодический. Что касается такого понятия, как «творческий заказ», то театр не практиковал его, кажется, никогда. Почему? Да потому, что у театра нет своей темы, чтобы разрабатывать ее с драматургом. Какой же этот театр без своей сквозной темы и своих драматургов? Известно, что многие московские и не только московские театры достигают успехов, потому что работают в этом отношении совершенно по иному принципу и драматург у них в театре свой человек.

И здесь, с позволения деятелей нашего театра, я прибегну к «коллизии», отнюдь не театальной...

Дело в том, что, когда два года назад в театре Сундукяна наступило кризисное положение. Из театра стали уходять актеры. По заданию редакции я взял интервью у ряда ведущих театральных деятелей, побывав в Министерстве куль-

туры и все беседы со стенографической точностью занес в свой журналистский блокнот.

Ответ руководства Министерства культуры республики о сложившейся ситуации был краток, общ и совсем в горьковском духе — «все хороше в королевстве датском».

Народный артист СССР Рачия Капалыян сказал, цитирую: «К сожалению, у театра Сундукяна пока что нет позиции. Мы недооцениваем его роль и место в жизни. Среди обилия информации театр должен занять свое ведущее и формирующее место в духовной жизни республики. Критики часто повторяют — нашему театру 2.000 лет, но мало задумываются о сегодняшнем кризисном состоянии театра. Репертуар требует обновления. Мы не проводим достаточно работы с молодыми актерами. Нужно развивать среди них здоровое творческое соперничество. Мы живем в век социологии. Настало время создать кабинеты театральных социологов. Без научного, социологического изучения нашего зрителя сегодня работать нельзя. Много бед происходит от того, что мы не знаем нашего зрителя. Например, что мы знаем о наших зарубежных зрителях? Так почему не вступить с ними в контакт прямо на предпринятии? Не провести конференции, скажем, на «Ариэлектросетеве»?

Отлично сказано! Под этими словами я был с удовольствием подписався.

А вот выдержки из интервью народного артиста республики Сога Саркисяна, цитирую: «Большая, настоящая драматургия — это всегда большая школа для актера. Чехов, Ибсен, Брехт, Шоу, Горький — вот что такое школа актерского мастерства. А где она на нашей сцене? На чем мы будем учиться — на «Помни о завтрашнем дне»? Театр не умеет работать с современным драматургом... Театр должен делать заказы драматургам на волнующие темы. Он должен выдвигать молодых режиссеров и актеров. Огласить их нет. Театр должен думать, что делать дальше...»

И последнее. Говорит молодой артист театра Сундукяна Лоренс Арутюнян: «Мы нашо театру зритель зачастую ущемлен неинтересными по форме и содержанию, вызывающими скуку, грустными спектаклями... Привязанные давать тон всей театральной жизни республики, заслужили ли мы это право?»

Кажется, достаточно. Как уже отмечалось, эти интервью взяты мной два года тому назад. Какие же существенные изменения произошли за это время в театре?

Может, в театре наметилась четкая репертуарная политика? Нет, этого пока не видно.

Во всяком случае ни один актер театра не в состоянии поведать вам о дальнейших планах коллектива.

Может, лучше стали работать с молодежью, на отсутствие чего справедливо указывала «Правда»?

Заблестели новые режиссерские имена? Увы, нисколько.

А как насчет «здорового творческого соперничества», на которое намекал Рачия Никитович?

Дело в том, что в этом театре на главные роли вообще перестали подготавливать «дублеров», хотя без них театр не может обойтись.

Это несправедливо не только с творческой, но и с производственной точки зрения. Заболев, ведущий актер тем самым немально срывает спектакль — плод усилий целого коллектива. И вообще, как без дубляжа расти молодым актерам? Известно, как тепло приветствовал и подбадривал своего дублера в спектакле «Изабелла» такой мастер, как Ованес Абялян. А дублером Абяляна был не кто иной, как молодой... Рачия Нерсисян. Пусть наши ведущие актеры не боятся, что их вытеснят молодые соперники. Талантливым людям этого нечего бояться. Настоящий талант не вытесняет другой талант — они взаимобогащаются.

Думаю, что здесь нет надобности распространяться и о «социологических исследованиях», о постоянных творческих связях театра с производственными коллективами. Таковые попросту отсутствуют.

Но об одном сказать все-таки хотелось бы. О стиистике. О сентиментально-слезливом, мелодраматическом стиле, рассчитанном на обывателя, который многие считают чуть ли не национальной чертой армянского театра. Он пропал, даже в новую постановку «Хетабас», где «родительские чувства» Замбахов стали преобладать над глубоко социальными, притягивающими, какой наделила свое произведение Сундукян. Вот почему и весь спектакль в целом получился «социально одесченским».

...Однажды в полдень Хорен Абрамян показал мне театр. В лаунж-кафе зрительного зала я увидел пустые, таинственные ряды стульев. Широкий пропенум. И огромный загорелый зев сцены.

— Смотри, — сказал он, — какое удивительное зрелище. Здесь можно воздвигнуть целый город, башенные краны. Развернуть любое действие. Выделить человека крупным планом и наоборот — спрятать его в толпу... Здесь можно сделать такое!

И мне захотелось воскликнуть: так сделайте же, что вам мешает!

Мне возразят. Выходит, за эти два года в театре не было ничего достойного? Почему же? Был интересный спектакль «Кориолан», я его по достоинству уже оценила пресса.

Но ведь дело не в одной удачной или неудачной постановке. Дело и не в талантах. Армянский театр вовсе не беден талантливыми людьми.

Дело — в направлении. Куда идет театр? Вот в чем вопрос.

В. ШАХНАЗАРЯН.